

Influential historians

Историографические школы в персоналиях

DOI [10.31696/2618-7043-2018-1-1-82-97](https://doi.org/10.31696/2618-7043-2018-1-1-82-97)

УДК 930(470)«18»+930.2(540)«18»

ВАК 07.00.09

Начало изучения современной Индии в России.

И. П. Минаев

Т. Н. Загородникова

*Институт востоковедения РАН, г. Москва, Российская Федерация
tnzag@mail.ru*

Аннотация: хотя изучение Индии в России началось с изучения современной Индии (Д. Г. Мессершмидт брал уроки у купца из Дели Парасотамагире; Г. Я. Кер изучал диалекты Северо-Западной Индии; Г. С. Лебедев старался показать схожесть христианства с индуизмом и способствовал налаживанию торговли), но у общества не было потребности в знании реальной Индии. Такой интерес возник с завоеванием Средней Азии и продвижением к границам Британской империи. И. П. Минаев был первым русским индологом, сочетавшим интерес к древней и современной Индии. Он тесно сотрудничал с военным ведомством, направлял отчёты о своих путешествиях по Индии, где описывал настроения, царившие в индийском обществе, отношения различных слоёв общества к России и Великобритании, развенчивал ложные представления о возможном восстании индийцев в случае похода русской армии к границам Индии. Он призывал как военных, так и научное сообщество к изучению современности и основал школу российской индианистики, хотя его непосредственные ученики не последовали его примеру.

Ключевые слова: Индия, Иван Минаев, завоевание Средней Азии, школа российской индианистики, Российское генеральное консульство в Бомбее, «Большая игра»

Для цитирования: Загородникова Т. Н. Начало изучения современной Индии в России. И. П. Минаев. *Ориенталистика*. 2018;1(1):82-97. DOI: [10.31696/2618-7043-2018-1-1-82-97](https://doi.org/10.31696/2618-7043-2018-1-1-82-97).

The Contemporary India Studies in Russia. Their beginning.

I. P. Minayev

Tatiana N. Zagorodnikova

*Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow, Russian Federation
tnzag@mail.ru*

Abstract: indian studies in Russia started with contemporary India surveys. D. G. Messerschmidt took lessons from Delhi merchant called Parasotamagire. G. Y. Kehr studied the dialects of Northwest India. G. S. Lebedev did his best to show resemblance of Hinduism and Christianity and to promote commercial relations, how-

ever Russian society was hardly eager to know what real India was about. The keen interest arose with the conquest of Central Asia and an advance towards the borders of British India. I. P. Minayev was the first Russian Indologist who studied both ancient and contemporary India. He collaborated with the War Ministry sending them reports of his three travels around India that illustrated the public mood regarding the idea of Russian march towards the borders of British India. He appealed to both military and scientific circles in order to develop contemporary studies and founded Russian school of Indology although none of his students followed the path of their professor.

Keywords: India, Ivan Minayev, conquest of Central Asia, Russian school of Indology, Russian General Consulate in Bombay, Great game

For citation: Zagorodnikova T. N. The Contemporary India Studies in Russia. Their beginning. I. P. Minayev. *Orientalistica*. 2018;1(1):82–97. (In Russ.) DOI: [10.31696/2618-7043-2018-1-1-82-97](https://doi.org/10.31696/2618-7043-2018-1-1-82-97).

Научный интерес в изучении Индии для русского ориенталиста не исчерпывается, однако же, её прошлыми судьбами, каково бы ни было её значение в мировой истории. У нас, на Руси, изучение вообще Востока никогда не имело и не могло иметь отвлечённого характера. Мы слишком близки к Востоку для того, чтобы интересоваться им только отвлечённо. Интересы России всегда были тесно связаны с Востоком, а потому востоковедение у нас не могло не находить себе практического приложения.

И. П. Минаев [1, с. 130].

Введение

8 февраля 1884 г. на акте, то есть на ежегодном торжественном собрании и праздновании основания Санкт-Петербургского университета, честь произнести речь была предоставлена ординарному профессору по кафедре сравнительного языкознания Ивану Павловичу Минаеву. Он начал свою речь словами: «Высокая честь занимать ваше благосклонное внимание научною беседою в нынешнем году выпала на мою долю, как одного из членов историко-филологического факультета. Не без некоторого опасения приступая к выполнению этой почётной, но и не лёгкой обязанности, не могу не высказать вам вначале просьбы о снисходительности. Это вступление, обычное у чтеца, собирающегося утомлять внимание своих слушателей, думается мне, далеко не излишне в настоящем случае: предмет, избранный для настоящей беседы, многим, по крайней мере, в моём изложении, может показаться малоинтересным, а другим, даже некоторым филологам, его отношение к важнейшим задачам филологической науки не вполне ясным» [1, с. 125]. Он был вынужден сделать такое вступление, потому что собирался говорить о необходимости изу-

чении современной ему Индии, а в то время изучение Индии ограничивалось или сюжетами, связанными с древностью, или её философией и религиями. Между тем изучение Индии в России началось, как ни странно, именно с изучения современной Индии.

В 1719 г. Даниил Готлиб Мессершмидт (1685–1735), ботаник и врач, отправился в экспедицию для исследования Сибири. В Удинске он беседовал с членом касты кэтхиписцов (*каятха*). Под Тобольском он познакомился с крещёным индийцем из Мултана по имени Василий, который записал в тетрадь Мессершмидта своё имя на родном языке. Ещё одного православного индийца родом из Дели Мессершмидт встретил в Иркутске. Это был купец Парасотамагире, человек очень образованный и толковый, знавший несколько языков и систем письма. Путешественник «ежедневно брал у него уроки, выучился чтению, письму и разговорному языку, получил некоторые сведения о санскрите. С помощью Парасотамагире он составил перечни индийских названий животных, птиц и растений, исправлял ошибки в имевшейся европейской научной литературе. Дневники Д. Мессершмидта содержат суждения о фонетике и алфавитах индийских языков» [2, с. 338].

Георг Якоб Кер (1692–1740), профессор-востоковед, служил переводчиком с персидского, арабского и турецкого языков при Коллегии иностранных дел. В 1733 г. он познакомился с астраханским купцом Сунгара (Сухара)¹, крещёным индийцем, жившим тогда в Петербурге, и начал брать у него уроки. Г. Я. Кер записывал эти уроки в тетрадь, которую он озаглавил «Об индо-мултанском диалекте». Сюда он заносил шрифтом деванагари санскритские тексты и образцы письма такри и ланда, употреблявшиеся индийскими купцами в Астрахани в деловых документах, давая точную транскрипцию слов и сопровождая их пояснениями по фонетике на латыни. «Несомненно, это была одна из самых первых попыток изучения европейским исследователем диалектов Северо-Западной Индии. Эти записи любопытны не только с лингвистической точки зрения: они позволяют составить представление об обычаях, культуре и религии жителей астраханской колонии» [2, с. 339–340].

Академик Петер Симон Паллас (1741–1811) составил по наказу Екатерины II «Сравнительный словарь всех языков и наречий, по азбучному порядку расположенный», где были представлены более 200 языков и наречий народов Азии и Европы. Из индийских языков сюда вошла лексика санскрита, тамильского, бенгальского и «мультанского наречия», сведения о последнем были собраны у астраханских индийцев [3, с. 31–34]. Его наблюдения и встречи описаны в статье «Некоторые сведения о живущих в Астрахани индийцах» [3, с. 40–65].

¹ В русских документах этот купец значился как астраханский дворянин Пётр Иванович Сунгур или Сугур.

В этой плеяде этнических немцев, находившихся на службе у российских императоров, завершает XVIII и открывает XIX век Герасим Степанович Лебедев – «бурбоорственнй путешественник», как он сам себя называл. За 12 лет, которые он прожил сначала в Мадрасе, а потом в Калькутте, он узнал жизнь и традиции разных слоёв индийского общества. По возвращении на родину он поступил на службу в Коллегию иностранных дел, открыл печатню с бенгальским шрифтом. Одно перечисление его трудов, начиная с «Грамматики чистых и смешанных восточноиндийских диалектов» и заканчивая «Беспристрастным созерцанием систем Восточной Индии Брамгенов, священных обрядов их и народных обычаев», опубликованных и неопубликованных, заняло бы достаточно много места. Его целью было показать истинную премудрость изначального христианства, сохранённую брахманами, и способствовать налаживанию торговли между нашими странами. Но его начинания не вызвали отклика в обществе: печатня, оснащённая шрифтом для издания текстов на бенгали, закрылась, а сам он не оставил ни учеников, ни последователей [4, с. 427]. Общество не ощущало потребности в знании настоящей², современной ему Индии. Редкие путешественники, такие как Ю. Ф. Лисянский или князь А. Д. Салтыков, приносили информацию о настоящей Индии, но она не могла поколебать уже сложившийся образ «сказочной» страны. Отсутствие торговли и невозможность её наладить, так же как и отсутствие насущной необходимости в ней препятствовали налаживанию связей. Общество если и интересовалось, то культурой древней Индии, потому что это укрепляло образ необычной, полной чудес страны. XIX в. – это время изучения санскрита и литературы на нём, изучения философии и религий Индии, всё это, за небольшим исключением, было возможно благодаря европейским изданиям.

Интерес к современной Индии в новых условиях

Интерес к событиям в Индии возник в Российской империи с 60-х годов XIX в., с начала завоевания Средней Азии и продвижения к границам Британской империи. Каждое новое присоединение земель к территории России воспринималось как шаг к завоеванию Индии, как очередной повод к ухудшению и без того натянутых отношений. Противостояние двух великих держав в этом регионе назвали «Большой игрой». Знание противника было необходимым условием такой игры.

Иван Павлович Минаев (1840–1890) (рис. 1) начал изучение Востока с Китая, потом, заинтересовавшись буддизмом, стал заниматься пробле-

² Справедливости ради стоит сказать, что в «Беспристрастном созерцании...» Г. С. Лебедев пытался сблизить Россию и Индию, показав сходство православия с индуизмом, наверное, для того, чтобы сделать индийцев более понятными для россиян, с ущербом для реального образа Индии.

мами, связанными с древней Индией. Его труды по классической индологии сразу же становились событием общеевропейского масштаба и переводились на английский и французский языки. Но вместе с проблемами классической индологии его интересовала и современная Индия. По этой проблематике он тесно сотрудничал с военным министерством. Именно военное ведомство, а не МИД, было заинтересовано в информации и взвешенной оценке положения в индийском обществе, настроениях, отношении к России и Великобритании. Что здесь было первичным, что производным, то есть военные смогли заинтересовать профессора проблемами современной Индии или И. П. Минаев сам был равнодушен к этим вопросам, а военные только использовали его интерес в своих целях, – мы, наверное, уже не узнаем. Судя по дневникам, его глубоко трогала обстановка в России, он не был кабинетным затворником, не замечавшим окружающей действительности, его отношение к происходившему вокруг было непростым и неоднозначным, но ни в коем случае не равнодушным. А. А. Вигасин, человек с максимальной полнотой и очень вдумчиво и бережно изучивший труды и архив И. П. Минаева, писал: «Длительная командировка на Восток могла стать неким бегством от суровой реальности и мрачных предчувствий» [5, с. 116]. Складывается ощущение, что и занятия древностью тоже было для него своего рода уходом от безрадостной реальности.

Во время трёх своих поездок в Южную Азию профессор И. П. Минаев не только собирал фольклор и искал рукописи по истории, философии и религиям Индии, но и внимательно наблюдал за тем, что творилось вокруг. Отчёты обо все увиденном³ он посылал в военное министерство, и они рассматривались на самом высоком государственном уровне.

Первая поездка Минаева в Индию

Предполагалось, что маршрут первой поездки И. П. Минаева в Индию в 1874–1875 гг. будет сухопутным, то есть пройдёт через Среднюю Азию и Афганистан, и Главный штаб решил воспользоваться этим. В то время в Европе не было достоверных карт этого района. Было решено послать с профессором для производства топографической съёмки пути до

Рис. 1. Иван Павлович Минаев (1840–1890)

Fig. 1. Ivan Pavlovich Minayev (1840–1890)

³ Свои впечатления об увиденном он также публиковал в прессе, см. «Библиография опубликованных трудов И. П. Минаева» [7, с. 123–134].

Пешавара топографа Военно-топографического отдела штаба Туркестанского военного округа, коллежского секретаря Рыжикова [9, с. 181]. По мере подготовки путешествия что-то изменилось в планах профессора, возможно, он реально оценил все трудности и опасности, подстерегавшие путника в странах, где население крайне негативно относилось к христианам. Он поехал морем. Отчёт об этой поездке хранился в Российском государственном военно-историческом архиве, но до сих пор не был обнаружен⁴.

Вторая поездка

Вторая поездка профессора Минаева в Индию состоялась в 1880 г. Среди документов Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА), касающихся путешествий И. П. Минаева в Индию, хранится лист с четырьмя вопросами без даты, без заголовка и без подписи:

1. Во время посещения Кабула генерал-майором Столетовым покойный Шир-Али хан утверждал, что индустанские раджи и владельческие фамилии доведены до крайнего раздражения против англичан и что в случае движения русских войск через Афганистан население западной части Индии восстанет против существующего правительства. Прибывший же летом текущего года в Самарканд посол от сейков (сикхов. – Т. З.) утверждал, что в случае, если русские, которых будто ждут в Индии, появятся у восточных границ Афганистана, сейки выставят более 200 000 вооружённых людей против англичан. Было бы важно знать действительное настроение населения западной полосы Ост-Индии и проверить как отношение его к Англии, так и представление его о России.

2. На северо-востоке Индии слышатся постоянно жалобы буддистов. Желательно было бы выяснить отношение их к английскому владычеству, их силу и организацию, а равно и значение настоящих усложнений на [северо]-в[остоке] полуострова со стороны Бирмы и Ассама.

3. В Индии считается до 460 туземных государей, имеющих владения и подчинённых англичанам. Некоторые из них не более как мелкие феодалы, почти лишённые политической власти; очень многие состоят в положении полунезависимых государей; некоторые подчиняются английскому правительству лишь во внешних делах, но есть и такие, которые находятся в состоянии номинального подчинения — в сущности же совершенно независимые. Все эти лица владеют в совокупности населением в 55 000 000 душ, получают в год до 150 000 000 р. дохода и содержат армию в 314 598 человек. Отношение этих государств к

⁴ Во вступлении к описи Военно-учёного архива, одного из самых крупных и востребованных фондов РГВИА (ВУА, № 846), перечислены наиболее интересные документы, хранящиеся в этом фонде, в том числе Отчёт профессора И. П. Минаева о его первой поездке в Индию. Опись была составлена в начале XX в., и с того времени этот Отчёт никто не видел.

Ост-индскому правительству во многом определяется личными качествами их государей. В высшей степени было бы полезно получить характеристику туземных владетелей и определить, кто по личным своим качествам, уму и характеру способен играть выдающуюся политическую роль и наиболее влияет на настроение туземного населения. Наибольший интерес для нас представляют сейкские государи и некоторые государи Центральной Индии, между ними в особенности было бы важно оценить 1) Гвалиорского магараджу Скиндия, имеющего небольшую, но отлично организованную армию (8 470 чел. при 40 орудиях), и не явившегося в прошлом году на известное собрание в Лагор, и 2) Голькара Индорского, имеющего армию в 28 000 чел. при 24 орудиях.

4. Желательно было бы знать, как думают сами англичане и туземцы, начиная с Ост-индского правительства, английской армии и более серьёзных её представителей, о степени возможности выполнить известный план генерала Роулинсона о завоевании Афганистана, включительно с Гератом и Балхом.

По надписи карандашом на 1-м листе документа можно понять, кому предназначались эти вопросы: «По случаю командирования проф. С-П универ. Д[ействительного] с[татского] с[оветника] Минаева в Индию полагалось бы соответствующе, не обременяя его военными специальными или техническими вопросами, предложить ему со стор[оны] воен[ного] Мин-ства вникнуть прежде всего в общее военно-политическое положение страны и разъяснить след[ующие] обстоятельства» [6, с. 181–182].

Ответы на эти вопросы военные ждали с большим нетерпением. «На днях из Ост-Индии вернулся профессор Петербургского университета Действительный Статский Советник Минаев. Пробыв там несколько месяцев, профессор Минаев вынес чрезвычайно любопытные впечатления. Если Вашему Сиятельству будет угодно принять Действительного Статского Советника Минаева, то имею честь испрашивать указаний о времени этого приёма», – писал 6 июля 1880 г. полковник Л. Н. Соболев, заведовавший Азиатской частью Главного штаба, военному министру графу Д. А. Милютину. «Я уже виделся с ним», – написал военный министр на полях этой записки⁵. Судя по «Дневникам» Ивана Павловича, он встречался и с генерал-адъютантом Н. Н. Обручевым, назначенным вскоре начальником Главного штаба [3, с. 163].

И. П. Минаев дал ответы на поставленные перед ним военным ведомством вопросы в своей «Записке», составленной по приезде в Россию и хранящейся сейчас в РГВИА. Маршрут поездки профессора (Бомбей, Хайдарабад, Индор, Ратлам, Гвалиор, Ражпутана, Северо-Западные провинции, Панджаб, Гуджарат и Барода, то есть не чисто индусские области, а местности со смешанным населением: индусы и мусульмане, мусульмане

⁵ Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 846. Д. 6924. Л. 8.

и сикхи; всё это местности, не связанные с распространением буддизма в Индии), содержание отчёта и место его хранения говорят о том, что путешествие было совершено не только для изучения древностей или буддистских святынь, но и для знакомства с положением в стране в целом, то есть поиска ответов на вопросы, поставленными перед ним военными. Пространная записка-отчёт заканчивается выводом И. П. Минаева:

Всего сказанного выше, полагаю, достаточно для того, чтобы оправдать моё мнение о теперешнем настроении индийского общества. Оно, действительно, тревожное, и положение британских властей в Индии может быть названо даже критическим. Жалобы и ропот слышны всюду. Туземцы и в разговорах, и в газетах заявляют, что «народы, подвластные России, гораздо счастливее, нежели индийское население под управлением Британии», что «русский неспособен быть высокомерным тираном, каковым англичанин является в Индии», и т. п.

Для правильной оценки современных обстоятельств необходимо, однако ж, иметь в виду множество местных условий, среди которых поставлен индийский патриот, самый решительный, энергичный и либеральный в религиозных вопросах.

Не следует забывать 1) существующего в Индии разобщения как этнографического, так и общественно-религиозного между различными кастами и сектами, как индусскими, так и мусульманскими.

2) Запрещения туземцам всей Британской Индии иметь оружие.

3) Различные степени недовольства:

а) наибольшее недовольство вследствие тяжести налогов и частных голодовок следует признать в сельском населении, особенно же южных местностях бомбейского президентства. Но сельское население, у которого отобрано оружие, в силу законодательного акта 1878 г., не имея руководителей, не поднимется само собою.

б) Класс интеллигентных индусов находится в положении выжидательном, легко пойдёт на сделки и совершенно успокоится после некоторых уступок правительства.

в) Затем остаются непримиримые, т. е. махратские и всякие другие, но не бенгальские, брахманы и мусульмане. Махратские брахманы как теперь, так и прежде считались англичанами за отъявленных мятежников. Нигде я не видел такого сильного раздражения против британской власти, как в их среде. У них свято хранятся предания времён пейшвы⁶, блестящей эпохи брахманского владычества. Многие из них помнят Нана Сахиба⁷. В разваливающихся чертогах различных обедневших сановников

⁶ Пейшва или пешва – глава конфедерации маратхских княжеств.

⁷ Нана Сахиб (настоящее имя Нана Говинд Данду Пант) — приёмный сын и наследник последнего пешвы Баджи Рао. Во время Индийского народного (Сипайского) восстания 1857–1859 гг. встал во главе одного из очагов восстания. После поражения восстания бежал в Непал и бесследно исчез.

Махратского двора поныне поются восторженные былины о блеске и величии пейшвы. Но махратские брахманы, как учит их история, всегда являлись лишь тайными руководителями восстания, и притом они непримиримые враги мусульман и ражпутов.

4) Во владениях независимых, как напр. в Низаме или в Гвалиоре, где сильно раздражение как правителя, так и населения, англичане имеют значительные военные силы. Пока англичане владеют гвалиорскую крепостью, восстание там немислимо.

Вот те важнейшие причины, которые могут замедлить наступление кризиса в Индии. Он неминуем, если, при дурном обороте афганских дел, образ действий министерства Биконсфильда будет продолжаться и при новом министерстве, и может быть замедлен и даже отсрочен на неопределённое время, если англичане признают возможность сделать хотя бы некоторые уступки той части индийского общества, которая, не любя их, признаёт британское владычество пока необходимым для Индии [6, с. 190–191].

Спустя более 130 лет современный исследователь может оценить прозорливость профессора Минаева. Он писал свой отчёт в конце правления одного из наиболее реакционных вице-королей Индии лорда Литтона (1876–1880). С его именем связана проигранная вторая англо-афганская война, введение предварительной цензуры в прессе на индийских языках (Press act), запрещение индийцам ношения оружия (Arms' act). Лорд Риппон, занявший пост вице-короля с июня 1880 г., был либералом. Он почувствовал напряжённость, царившую в индийском обществе, понял, к чему это может привести, и свёл на нет оба реакционных закона, подготовил почву для созыва первого общеиндийского съезда недовольных – Индийского национального конгресса.

На протяжении всего колониального периода в Индии то здесь, то там вспыхивали локальные волнения, которые подавлялись или местными, или присылаемыми из центра войсками, но ни одного крупного восстания, приближающегося по своему размаху к Народному восстанию 1857–59 гг., не произошло. Англичане, учтя тот страшный опыт, научились распознавать степень недовольства общества и успевали не доводить дела до крайности: небольшими реформами снижали остроту момента.

Третья поездка

Третье путешествие И. П. Минаева в 1885–86 гг. было инициировано военным ведомством. Британское правительство приглашало двух русских офицеров в качестве наблюдателей на манёвры, которые должны были состояться 4 января 1885 г. в Северо-Западных провинциях. По мнению военного министерства, делегацию должен был сопровождать человек, знакомый с традициями и современным положением Индии,

для того чтобы консультировать военных по разным вопросам, а главное – чтобы они по незнанию языка и обычаев Индии не попали в «неловкое положение». И. П. Минаев был как раз таким человеком, он два раза путешествовал по стране, был представлен в своё время вице-королю и вообще имел обширный круг знакомых в Индии, но профессора неудобно было командировать в качестве секретаря делегации. Было решено дать И. П. Минаеву возможность отправиться в Индию одновременно с миссией просто в качестве путешественника. Это ставило его в более независимое положение и давало возможность изучить те части Индии, где он раньше не бывал и которые представляли для военного ведомства особый интерес.

Перед поездкой И. П. Минаев имел личную аудиенцию у Александра III в Инженерном манеже [3, с. 164].

Офицеры Генерального штаба (полковник А. К. Тимлер и полковник князь Н. Н. Одоевский-Маслов) должны были прибыть в Бомбей в конце декабря. Сначала предполагалось, что по окончании манёвров русские офицеры и профессор И. П. Минаев некоторое время будут вместе путешествовать по Индии, а потом Тимлер и Одоевский-Маслов отправятся обратно в Россию, а Иван Павлович останется на какое-то время и уже самостоятельно продолжит свою командировку и изучение Индии. Этому плану не суждено было свершиться: это были люди во многом (начиная от каких-то бытовых проблем и кончая отношением к походу на Индию) противоположных взглядов, поэтому ещё на пароходе произошла размолвка [5, с. 110], и в дальнейшем их пути разошлись.

Отчёт о поездке по северной Индии и Бирме посвящён всё тем же темам, которые были определены военным ведомством при подготовке ещё второго путешествия. Главной была проблема отношения местного, как тогда говорили, «туземного», населения к России и к Великобритании. По мнению Минаева, образованный индеец в 1885 г. давал такой ответ на этот вопрос: «Мы победим, добьёмся очень многого не внутренними волнениями, а агитацией в самой Англии; а для этого же нам необходим союз, конечно не с Россией, а с английскими радикалами» [6, с. 194]. Трезво оценивая сложившуюся в Индии ситуацию, Иван Павлович предостерегал от устоявшихся в русском обществе представлениях о шатком положении англичан в Индии и о возможности восстания населения в случае прихода русской армии: «При общераспространённом убеждении в том, что англичане нелюбимы в Индии, весьма часто конечный результат возможного столкновения России с Англией рисуется в привлекательном для нашего народного самолюбия свете: мы не прочь верить, что население Индии нас встретит как освободителей, что оно поднимется на своих притеснителей, как только услышит, что англичане где-либо нами разбиты... а туземцы Индии между тем толкуют теперь: “Борьба между ретроградными, тёмными силами России и прогрессив-

ными Британии неминуема в ближайшем будущем, и все наши симпатии на стороне представителей прогресса⁸. Положим, это толкуют бабу⁸; но их слушает вся Индия, и за жожаками идут массы, весьма часто не понимая ни их идеалов, ни их стремлений» [6, с. 196]. Отношение колониальной администрации к русским и к «Большой игре» в Центральной Азии осталось прежним: «Британские власти в Индии готовятся к борьбе; ничто не делается там, ни одно мероприятие не начинается безотносительно к гордиеву узлу англо-русского вопроса: усиливается армия, придумываются проекты раздела Афганистана, тревожно ищут союзников, и в Китае и чуть ли не в Тибете, а главное, стремятся умиротворить туземцев» [6, с. 196].

Подлинник «Записки» Минаева о его третьем путешествии хранится в Архиве внешней политики МИД РФ, то есть можно предположить, что профессор отчитывался не только перед военными, но и перед гражданскими властями, но какой-то отчёт (возможно, копия этой «Записки») был послан и в военное министерство. Вот как И. П. Минаев начинает своё письмо к генерал-адъютанту Н. Н. Обручеву, начальнику Главного штаба и председателю Военно-Учёного комитета: «Препровождая Вам отчёт о моём путешествии по Индии, я нахожу необходимым в дополнение к нему сказать несколько слов о том, как я сам смотрю на сообщаемые мною факты». К сожалению, отчёт, о котором говорится в письме, не обнаружен в фондах РГВИА, но можно предположить, что это был лишь вариант или даже копия цитировавшейся «Записки». Профессор описал настроения разных слоёв общества – как индийского, так и английского, и везде лейтмотивом проходит одна и та же мысль: «Этого не следует упускать из виду: Индию следует знать. Борьба в грядущем, но наступит она не сегодня и не завтра, но к ней следует готовиться...⁹» [6, с. 196].

Дополнением к отчёту служит письмо И. П. Минаева к генералу Н. Н. Обручеву, где он, наряду с общими выводами о современном положении Индии, ещё раз подчеркнул необходимость иметь возможно полную информацию о происходивших в стране событиях. Наряду с этим он советовал военным, как организовать сбор информации. Для этого он предлагал создать сеть негласных осведомителей. «Мне казалось, было бы в высшей степени важно иметь не только в Индии, но повсюду в Азии, где наши интересы сталкиваются с британскими, неофициальных агентов, людей честных, толковых и преданных служению России, при содействии таких слуг отечеству дело официального агента может быть успешно выполнено» [6, с. 264]. Возможно, примерно об этом же шла речь во время многочисленных визитов профессора к чиновникам самого высокого ранга как военного министерства (генералы Ф. А. Фельман,

⁸ Бабу – здесь: образованный индус, уважаемый человек.

⁹ Отточие автора.

Н. Н. Обручев, П. А. Крыжановский, военный министр П. С. Ванновский), так и МИД (директор Азиатского департамента И. А. Зиновьев), а потом и на аудиенции у Государя [5, с. 109–110].

Иван Павлович Минаев планировал четвёртое путешествие, но этому помешала сначала болезнь, а потом и кончина учёного.

Сравнение британской и русской колониальной политики

Наблюдая порядки в современной ему Индии, И. П. Минаев не раз отмечал, что «здесь между англичанами встречаешь хороших, честных людей более, нежели где-либо, и только благодаря этому может держаться эта странная индийская система управления, эта смесь свободы и деспотизма... Англичане сильны людьми подобными Лоуренсу»¹⁰ [3, с. 169]. Сравнивая эту «смесь свободы и деспотизма» с российской системой управления азиатскими владениями России, профессор записал: «Дай эти полномочия какому из наших генералов, Его Превосходительству Ивану Петровичу, чего-чего не натворили бы наши генералы-хозяева со свойственным им тактом и присущей им прозорливостью. Каких бы хозяйственных затей насмотрелся бы мир!» [3, с. 168]. Василий Оскарович фон Клемм, первый Российский Императорский генеральный консул в Бомбее (1900–1906), начинал свою дипломатическую карьеру в 1886 г. с должности секретаря и драгомана (переводчика) Российского Императорского политического агентства в Бухаре. Прослужив на этой должности менее 5 лет, он послал в столицу Записку о положении в ханстве, которая хранится сейчас в архиве МИД РФ¹¹. Она была составлена во многом в ответ на многочисленные жалобы жителей Бухары на злоупотребления чиновников и самого эмира Сеид Абдул-Ахад-хана. В. О. фон Клемм считал, что появление русских владений в Средней Азии привело к тому, что простой народ начал сопоставлять свою жизнь с жизнью в русском Туркестане, и это сопоставление было не в пользу эмира. Открытие Политического агентства дало ему возможность жаловаться и ждать справедливости. Эмиру и его чиновникам виделось скорое присоединение Бухары к Туркестанскому генерал-губернаторству, за чем последовало бы уменьшение или потеря доходов, а это, в свою очередь, диктовало взимание всё новых поборов для накопления «на чёрный день». Рекомендации В. О. фон Клемма сводились к следующему: поскольку «незаконные поборы всегда существовали в Бухаре, как

¹⁰ Томас Эдвард Лоуренс, Лоуренс Аравийский (Thomas Edward Lawrence, Lawrence of Arabia, 1888–1935), британский военный и путешественник, историк и археолог, сыграл большую роль в арабском восстании 1916–1918 гг., почитается в Великобритании как военный герой.

¹¹ Архив внешней политики Российской империи. Ф. 147. Оп. 485. Д. 539. Л. 208–213, 213об.

во всяком азиатском ханстве и как неизбежное последствие ничтожного содержания, получаемого администрацией», то надо пригласить эмира в Петербург и дать ему заверения в неприкосновенности его власти, в том, что Россия не собирается присоединять Бухару к своим владениям. Следует признать избранного им сына наследником. В. О. фон Клемм полагал, что ни при каких обстоятельствах не следует присоединять Бухару к российским владениям в Туркестане¹². В данном случае подход русского чиновника колониальной администрации к расширению границ Российской империи противоположен британскому опыту: известно, что английские чиновники на местах несколько раз без разрешения метрополии, а в случае присоединения Синда и вопреки прямому запрету, присоединяли индийские княжества к британским владениям [8, с. 255].

Публичный призыв Минаева изучать современную Индию

Наряду с отчётами и дневниками И. П. Минаева для исследователей его отношения к изучению современной Индии очень важной представляется его Речь от 8 февраля 1884 г. на торжественном акте Петербургского университета, с которой начинается эта статья. Поставив перед собой цель обосновать необходимость изучения процессов, происходивших в индийском обществе, профессор сначала обрисовал аудитории, что дала древняя Индия человечеству, затем сказал: «...но изучение Индии старой не должно заслонять научную и практическую важность жизненных явлений в современной Индии» [1, с. 131]. И. П. Минаев коснулся и завоевания Индии Британией, и привнесения западного образования и культуры, и зарождения молодой Индии; «и эта новая Индия, народившаяся в самые последние годы, воспитанная и взлелеянная западными учителями, ныне громко заявляет свои притязания на самостоятельность...» [1, с. 137] Восток уже не пребывает в полусонном состоянии. В заключение он сказал: «Высокая задача налагается на нас, однако же, нашим политическим и культурным главенством в Азии, и мы не имеем никакого права отказываться от этой священной обязанности. Ввиду такой задачи, полагаю, может быть не безынтересным взглянуть на то, что уже сделано на Востоке нашей старой соперницей» [1, с. 142]. Это выступление И. П. Минаева, казалось бы, перед узкой университетской аудиторией не осталось незамеченным. В Российском государственном архиве литературы и искусства хранится письмо Фёдора Александровича Фельдмана, генерала от инфантерии, занимавшего в 1881–1896 гг. должность управляющего делами Военно-Учёного комитета Главного штаба, к профессору

¹² В 1892 г. Сеид Абдул-Ахад-хан вместе с наследником посетил столицу Российской империи, ему был пожалован орден Святого Александра Невского с бриллиантами (1893); в 1906 г. ему было разрешено возвести в Санкт-Петербурге мечеть. Его сын Сейид Мир Мухаммед Алим-хан (1880–1944) был объявлен наследником и зачислен в Николаевский кадетский корпус.

И. П. Минаеву от 30 мая 1885 г. Он обращался к профессору с просьбой поместить «свою речь» в издававшийся Главным Управлением Генерального штаба «Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии»¹³, которая «была бы украшением издания»¹⁴. Следует отметить, что российским военным потребовался почти год, чтобы оценить это выступление Ивана Павловича и поставленные в нём проблемы. Гораздо оперативнее были англичане. Уже 7 марта 1884 г. Роберт Мичелл, чиновник министерства по делам Индии, прислал перевод этой речи вице-королю Индии «для сведения»¹⁵.

Открытие российского дипломатического представительства в Индии

Летом 1885 г. военное министерство подняло вопрос об открытии дипломатического представительства Российской империи в Индии. Военный министр П. С. Ванновский писал 22 июня 1885 г. министру иностранных дел Н. К. Гирсу:

В настоящее время Военное министерство имеет в Азии только одного военного агента при миссии нашей в Пекине, из Тегерана Штаб Кавказского округа получает кое-какие военные сведения от наших инструкторов¹⁶, следит же за тем, что происходит в Индии, мы лишены всякой возможности...

Вместе с сим я считаю крайне необходимым принять какие-нибудь меры, чтобы обеспечить Военному министерству своевременное получение из Индии нужных ему сведений. До сего времени Главный Штаб довольствовался индийскими газетами, которые получаютя очень поздно, и разными английскими материалами, которые не дают того, что нам нужно. В этом деле и министерство иностранных дел не может тоже оказать содействие военному ведомству, не имея ни одного консула в Индии [6, с. 346].

Было ли случайным совпадением то, что военные власти и профессор И. П. Минаев почти одновременно приходят к мысли о необходимости постоянно знать, следить за происходившим в Индии, или речь и отчёты Ивана Павловича о его путешествиях подтолкнули военного министра к конкретным действиям в этом направлении? Ответа нет, но важно то, что и профессор И. П. Минаев, и военные думали одинаково и

¹³ Это было издание отдела генерал-квартирмейстера, в чьём ведении была разведка. На нём стоял гриф «Не подлежит разглашению».

¹⁴ *Российский государственный архив литературы и искусства*. Ф. 1696. Оп. 1. Д. 390. Л. 1–106.

¹⁵ *National Archives of India. Foreign Department*. Secret E, 1884, April. 228. P. 3–6.

¹⁶ Имелись в виду русские военные, которые с января 1879 г. сначала занимались формированием, а в дальнейшем служили в персидской казачьей бригаде.

действовали совместно. Сам Иван Павлович в конце 80-х годов предполагал занять должность консула [3, с. 152].

Заключение

И. П. Минаев, крупнейший индолог своего времени, тесно сотрудничал с военным ведомством, и это сотрудничество высоко ценилось военными. Это вовсе не значит, что он был разведчиком. Его научные интересы в сфере изучения современной ему Индии, любознательность, наблюдательность, приобретённые там знакомства были созвучны интересам военных, его опыт и знания с обоюдной выгодой использовались ими.

Профессор Минаев был создателем школы российской индологии, но все его талантливейшие ученики продолжили традицию изучения Древней Индии, её религий и философии. Никто из них не избрал объектом своих исследований современность, и даже в двух достаточно пространственных некрологах «Памяти Ивана Павловича Минаева» С. Ф. Ольденбург, описывая творчество своего учителя, остановился только на изучении им древностей и религии [9, с. 27–47].

Литература

1. Минаев И. П. Об изучении Индии в русских университетах. В: Айрапетов А. Г. (ред.) *Минаевские чтения. Материалы научной конференции, Тамбов, 25 ноября 2009 г.* Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина; 2010. 229 с.
2. Вигасин А. А. Изучение Индии в России XVIII в. В: Куцобин П. В. (ред.) *Индия. 1983. Ежегодник*. М.: Наука, 1985: 335–347.
3. Вигасин А. А. *Изучение Индии в России (очерки и материалы)*. М.: Степаненко; 2008. 544 с.
4. Васильков Я. В. «Буреворственный путешественник». *Жизнь и труды Герасима Степановича Лебедева (1749–1817)*. СПб.: МАЭ РАН; 2017. 505 с.
5. Вигасин А. А. И. П. Минаев и русская политика на Востоке в 80-е годы XIX в. *Восток. Афро-азиатские общества: история и современность*. 1993;(3):108–124.
6. Шаститко П. М. (ред.) *Русско-индийские отношения в XIX в.* М.: Восточная литература; 1997. 374 с.
7. Котовский Г. Г. (ред.) *Иван Павлович Минаев*. М.: Наука; 1967. 133 с.
8. Алаев Л. Б., Вигасин А. А., Сафронова А. Л. *История Индии*. М.: Дрофа; 2010. 541 с.
9. Ольденбург С. Ф. *Этюды о людях науки*. М.: РГГУ; 2012. 477 с.

References

1. Minaev I. P. On the Study of India in Russian Universities. In: Airapetov A. G. (ed.) *Minayev readings. Materials of scientific conference, Tambov, November 25, 2009*. Tambov: Publishing house of TSU named after G.R. Derzhavin, 2010.
2. Vigasina A. A. Study of India in Russia of the 18th century. In: Kutsobin P. V. (ed.) *India. 1983. Yearbook*. Moscow: Nauka, 1985:335–347.

3. Vigasin A. A. Study of India in Russia (*Essays and Documentation*). Moscow: Stepanenko; 2008.

4. Vasilkov Ya. V. *“Storm-fighting Traveler”*: Life and Works of Gerasim S. Lebedyev (1749–1817). St. Petersburg: Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography; 2017.

5. Vigasin A. A. I. P. Minaev and Russian Politics in the East in 80s of the 19th century *Vostok. Afro-aziatskie obshchestva: istoriia i sovremennost = Oriens*. 1993;(3):108–124.

6. Shastitko P. M. (ed.) *Russian-Indian Relations in the 19th century* Moscow: Vostochnaya literatura; 1997.

7. Kotovskii G. G. (ed.) *Ivan Pavlovich Minaev*. Moscow: Nauka; 1967.

8. Alaev L. B., Vigasin A. A., Safronova A. L. *History of India*. Moscow: Drofa; 2010.

9. Oldenburg S. F. *Essays on Men of Science*. Moscow: Russian State University for the Humanities; 2012.

Информация об авторе

Загородникова Татьяна Николаевна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра индийских исследований Института востоковедения РАН

About the author

Zagorodnikova Tatiana Nikolayevna, Cand. (Hist.), Leading research scholar, Centre of Indian Studies, Institute of Oriental Studies, RAS